

Текст · 15 января 2020, 14:15

Александр Бородихин,

Церемониальный жест. Глава «Агоры» объясняет, зачем в Конституцию добавят положение о независимости России от международных норм

Статья 15 Конституции, часть 4

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Во-первых, это **не какая-то идея, которая никогда не была озвучена ранее**. Часть 4 статьи 15 Конституции, о которой идет речь, на самом деле костью в горле стоит у российских властей давно. И [глава Следственного комитета Александр] Бастрыкин заявлял о том, что это нужно менять, неоднократно, и председатель Конституционного суда Валерий Зорькин об этом говорил, и [норма], позволяющая Конституционному суду проверить соответствие с Конституцией решений Европейского суда по правам человека, которая вызвала тогда бурю критики, тоже была в этом ключе. Фактически, на законодательном уровне это уже установлено.

Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин неоднократно критиковал примат международного права над российским: об этом он говорил и [студентам МГИМО](#), и [«Российской газете»](#). По его мнению, эту норму при обсуждении Конституции 1993 года «умело преподнесли как базовую конституционную ценность правового государства советники из США» (обвинение в копировании западных норм — [излюбленный](#) критический прием Бастрыкина).

«Доктрина мирового государства и права, а также отказа от национального суверенитета, брошенная на благодатную почву идеологии борьбы с фашизмом и тоталитаризмом, после Второй мировой войны была быстро подхвачена американскими властями и фактически насильственно насаждена странам, потерпевшим поражение в войне, - Германии, Италии, Японии. В последующем уже на волне процессов евроинтеграции и глобализации эти идеи, которые к тому времени прижились в Европе и на которых выросло целое поколение, были провозглашены как ценности и начали активно распространяться в некоторых других европейских странах. В результате произошло то, что Председатель Конституционного суда Валерий Дмитриевич Зорькин очень точно назвал девальвацией, то есть обесцениванием национального права по отношению к праву международному», — говорил глава СК.

«Россия добровольно возлагает на себя обязательства, перечисленные в этих международных документах, и оставляет за собой

право окончательных решений в соответствии с Конституцией в случае спорных моментов и правовых коллизий», — [говорил](#) Валерий Зорькин в 2015 году.

Грубо говоря, как это часто делается российскими властями: сначала создается общественное мнение, потом закрепляется фактическая ситуация, а потом в соответствии с фактической ситуацией вносятся изменения. То есть по факту сама эта возможность, полномочия Конституционного суда рассматривать решения ЕСПЧ на соответствие Конституции уже нивелирует эту норму Конституции.

Второе, **власти очень сильно [ориентируются] на Соединенные Штаты Америки**, которые фактически не участвуют в большинстве международных организаций и не признают [международную] юрисдикцию. Ситуация, когда в российской Конституции установлен приоритет международного права и общих принципов над российским законодательством, очень сильно беспокоит власти в том смысле, что это выглядит неравноправной ролью, некоторой подчиненностью.

Следующее. **Не все российское законодательство становится более важным, чем международное право**, только Конституция. Грубо говоря, Конституция над, потому что именно Конституция определяет, кто главный, кто не главный, а все остальное законодательство должно соответствовать международному праву. Это некий церемониальный жест, нежели какой-то шаг, который с неизбежностью

повлечет за собой цепочку каких-то кардинальных изменений в законодательстве и практике.

Если эти изменения будут внесены в Конституцию, это не повлечет за собой, как некоторые начали писать, исключение России из Совета Европы и отказ от признания юрисдикции Европейского суда по правам человека. Этого не произойдет. **Это в большей степени церемониальный жест**, чем первый шаг на пути к какой-то цепочке событий.

Это позволит российским властям в случае принятия каким-то международным судом, юрисдикционным органом, квазисудебным органом — неважно, каким — какого бы то ни было решения, которое будет неприятно российским властям, будет возможно поставить под сомнение соответствие этого решения Конституции. Допустим, по Боингу, или Гаагский трибунал по делу ЮКОСа, или по второму делу ЮКОСа в ЕСПЧ, или решение какой-нибудь Комиссии международного права или Комитета ООН по правам человека или Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. **Будет решение, которое будет необходимо российским властям дискредитировать**, в этом случае появится заход с объявлением этого решения несоответствующим российской Конституции.

Все ищут какое-то практическое значение, однако почти наверняка никакого практического значения в этом предложении нет. Это скорее политический жест, призванный подтолкнуть внутреннюю мобилизацию, продемонстрировать величие России на международной арене — что мы не просто часть

многополярного мира с приматом международного права и прав человека, как это было в 1990-х годах.